

VI

«ЖИД — БЕЗРУКИЙ, УЧИТЕЛЬ». БОРЬБА. ШКОЛА ИЛИ MAZEIWA?

Десять тысяч пленных разных классов и рангов, десять тысяч здоровых молодых людей, копошившихся целый день, как в муравейнике, трудившихся кто над чем. Среди всей этой многоголовой и пестрой массы единственной фигурой, рельефно выделявшейся над общим уровнем, была фигура Иосифа Трумпельдора. Он трудился день и ночь: преподавал в школе, издавал еврейскую газету и писал статьи для общей газеты, которая при его содействии стала издаваться в лагере, под названием «Друг», посещал ежедневно «чаепития»; устраивал лекции, беседы, собрания, — и при всем этом сам успевал еще изучать японский язык. Скоро он научился разговорной японской речи. Это и помогло ему найти среди японских солдат, охранявших нас, японца-еврея. И узнал он у этого японца-«иудея», что в Японии имеются еще евреи, что и они

молятся в талес и тефилин, что их синагога не похожа на японский храм с идолами, — у них идолов нет; в какой-то праздник они в течение 8 дней едят мацу; в Йокагамском округе живет их около 600 семейств такой веры. Трумпельдор собирался даже съездить туда, в эту «нудейскую» деревню, с целью изучить детально, что это за секта, но японские власти не разрешали пленным солдатам раз'езжать по стране.

На редкость симпатичный и мягкий в личной жизни, ценный товарищ, он в общественной работе был человеком с твердым и властным характером, с огромной самоуверенностью и с деспотическими замашками. Был, однако, один случай, когда, вопреки своей самоуверенности и при всей своей неспособности терпеть критику и противоречие, Трумпельдор все-же уступил убеждениям своих друзей.

Его друзья видели ясно, что его план организовать всю десяти тысячную массу пленных, всю «кобылку», как прозвали русских военнопленных, есть мертворожденное детище, которое может стать опасным и обрушиться на породившего его. Все знали, что о Трумпельдоре уже плетется среди русских пленных ужасная легенда. Все знали об этом, — только он один не знал и не хотел этого слы-

шать. А план его состоял в том, чтобы созвать «сейм» всех военнопленных, — не только нашего двора, но и других близлежащих к Хама-дере дворов. Схема была следующая: каждые сто пленных выбирают по одному представителю; эти делегаты выбирают из своей среды временный исполнительный комитет, который должен в самое короткое время выработать «конституцию» и созвать «сейм», который будет высшим органом самоуправления военнопленных. План не был осуществим ни с практической, ни с политической точки зрения. Политически это дело зависело от японских военных властей, а практически — от «кобылки». А «кобылка» и так уже бунтовала против «безрукого учителя». Параллельно с партией революционной организовалась среди них «черная сотня», которая делала свое темное дело. Революционеры из Женевы и из среды пленных распространяли у нас нелегальную литературу, а «черная сотня» сочиняла легенды про «жида — безрукого учителя». Это он, мол, выпускает манифесты о русской свободе, а царь-батюшка никакой свободы не давал и даже не думал давать. Это жида мутят нашу Русь святую — и там, на родине, и здесь. Пленные жида хотят, чтобы мы стали «смутьянами»; их зло берет, что нам, право-

славным порт-артурцам, батюшка наш царь пообещал по 100 десятин земли и по 1000 рублей чистоганом, а им, жидам, ничего. Такие и подобные легенды распространялись кем-то среди военнопленных. И под влиянием этого Трумпельдор вынужден был уступить нашим настояниям и отказался от своего плана — создать организацию всех пленных; отныне он продолжал свою работу только среди евреев.

Вскоре после этого Трумпельдором овладело новое увлечение, новый план. Теперь этот план кажется наивным, но тогда он — и не только он один — верил, что его шаг возымеет действие на царя и его министров.

Еще задолго до дней российской свободы 1905 г. стали доходить к нам сведения, что нам, евреям-артурцам, или вообще евреям-военнослужащим действующей армии, дарованы права «николаевских солдат», т. е. повсеместное правожительство. Трумпельдор нахмурился: «И только? Стоило воевать... Нет, этого не будет!» И вот он выпускает воззвание ко всем евреям-пленным, в котором в категорической форме предлагает заявить царю, что если он не даст всем евреям России прав гражданства, то и не надо нам подачки в виде «правожительства», — не ради этого воевали мы и проливали кровь за Россию.

Это воззвание вызвало целую бурю. Пленные евреи разделились на согласных подписать такое заявление царю и несогласных. Это было, однако, не чисто теоретическое различие во мнениях. Несогласные боялись, что если будет подано такое заявление Николаю II, даже без их подписей, тогда и им, несогласным, не сдобровать. И началась баталия. Трумпельдору приходилось выдерживать фюрменные атаки. Несогласные действовали во всю. Они требовали от него, чтобы он порвал заявление и перестал даже думать об этом, так как эта затея только повредит пленным. Но Трумпельдор твердо стоял на своем. Он все время твердил одно: «Мы обязаны так поступить, это наш долг; довольно быть рабами, пора показать «им», что мы не нуждаемся в обглоданных костях...» Но и несогласные не уступали. Каждый день происходили собрания, митинги, предложение следовало за предложением, — но Трумпельдор стоял на своем. И он победил. Решено было, что подписывают заявление те, кто желает. Таких желающих набралось 130 человек. Эти 130 человек, подписавшихся под заявлением, дали Трумпельдору полномочие действовать в Петербурге по своему усмотрению. А его усмотрение потом, когда он все это на свободе обдумал еще раз и еще раз, было

— предать всю эту затею забвению, так как она нереальна, не имеет под собою почвы, — да и ненужна. Новая, свободная, демократическая Россия даст всем национальностям, населяющим ее огромную территорию, права не только гражданские, не и политические; евреи тоже, по всей вероятности, получают от «Российского Учредительного Собрания» свой «сейм». Так он думал тогда.

В плену выяснилось, что порт-артурский еврейский гарнизон богат: у него имеется большой остаток наличными, около 10 000 р., от своей молельни. Дело в том, что, как известно, в Порт-Артуре евреям жить запрещалось. Но под разными предлогами их там скопилось довольно большое количество; то были купцы, подрядчики, поставщики и пр. У евреев-солдат существовала официально разрешенная молельня. Бесправные евреи пользовались ею и за это вносили большие суммы в солдатскую кассу, главным образом за «алиэс». Из этих сумм и накопился остаток при выходе гарнизона из крепости. Деньги эти находились у одного почтенного коммерсанта Ц., который должен был выдать их тому, кто будет иметь полномочие от солдат-артурцев. Трумпельдор и предложил на этот образовавшийся остаток построить в каком-нибудь еврейском городе

черты школу в память евреев-солдат, павших в Порт-Артуре. Бывшие «клей-койдеш», наши «клерикалы», запротестовали. По их мнению, на деньги, которые собирались от «алиэс», нельзя строить светские школы. Загорелась борьба. Дни и недели обсуждался этот вопрос среди пленных евреев. Создались два враждебных лагеря. Трумпельдор имел за собою большинство, но противники бунтовали. А у него была привычка желать, чтобы все соглашались с ним, и он хотел во что бы то ни стало переубедить «клерикалов» и для этой цели устраивал дискуссионные собрания, на которых излагал программу школы. По мнению Трумпельдора, следует создать трудовую школу для детей бывших на войне евреев в память евреев-солдат, павших в Порт-Артуре. Нам нужно, чтобы наши дети воспитывались лучше, чем мы, чтобы они получали физическое воспитание; это необходимо не только лично для нас самих, но и для всего народа. Народ наш должен пойти в Палестину здоровым, сильным, крепким. Мы будем первыми, которые положат начало новому пути в деле еврейской школы. И не одну такую школу мы создадим, а целый ряд школ по всей черте еврейской оседлости. Мы обратимся к евреям России, укажем им, что мы отдали для этого дела все,

что у нас было, и они последуют нашему примеру — и у нас будут средства на много школ.

Но все эти аргументы и планы наталкивались на глухую стену. «Клерикалы» испугались за еврейский «хедер» и, чтобы парализовать предложение Трумпельдора, предложили на эти деньги поставить памятник — *mazeiwa* евреям-солдатам, погибшим в Порт-Артуре; для этой цели должны быть посланы специальные делегаты в Порт-Артур, и они все там оборудуют. И чтобы совсем побить Трумпельдора, они цитировали какой-то закон из «Шулхан-Аруха», согласно которому именно *mazeiwa* может свято сохранить память о погибших. Долго шла эта борьба, шла ожесточенно и упорно, и в конце концов ни к чему не привела. Трумпельдор был бессилён доказать «клерикалам», что на деньги от «алиэс» можно строить светские школы. Вопрос остался висящим в воздухе. Решено было, что когда все вернутся в Россию, обе стороны обратятся к духовным авторитетам, и как эти авторитеты решат, так и будет.

Но когда Трумпельдор вернулся в Россию, он вообще отказался от этой мысли. Повлияла на него в этом смысле российская революция; к тому же почтенный коммерсант Ц., в руках которого находились деньги, представил вместо денег счет, что он остаток денег израсходовал

на нужды больных евреев-солдат, проезжавших из Японии в Россию через Шанхай.

* * *

Наступило 25-ое августа 1905 г. Был заключен Портсмутский мир между Россией и Японией. Стали поговаривать, что нас, пленных, отправят в Россию. Однако, дело тянулось томительно долго: в первую очередь мы дождались лишь того, что стали отправлять на родину инвалидов. Трумпельдор, как инвалид, тоже подлежал отправке домой. Стали готовиться к его от'езду. Готовились не только мы, евреи, но и весь лагерь. Ученики созданной им школы фотографировались отдельно, учителя отдельно, библиотека отдельно, сионистский кружок, еврейская редакция, редакция общей газеты «Друг» — отдельно. Между прочим, «Друг» ко дню от'езда Трумпельдора выпустил специальный номер, посвященный ему. Евреи преподнесли ему адрес в красивом японском альбоме, устроили торжественное заседание и чествовали его; все старые споры были позабыты: друзья и бывшие недруги объединились в одном красивом порыве; каждый стремился получить его фотографическую карточку с его надписью; получивший ликовал,

а неполучивший был глубоко огорчен. А когда наступил момент разлуки, то собралась тысячная толпа перед его «домом» и ждала его выхода; когда он появился на пороге своего «дома», его подхватили на руки и так пронесли через весь лагерь с криком: «Вот человек, вот человек, — глядите!». Все хотели подчеркнуть свою признательность ему за все, что он сделал для пленных в области образования. Этими двумя словами: «Вот человек» толпа, особенно русские его ученики, стремились показать всем, что из десяти тысяч нашелся он один, который создал школу для пленных.

Из Японии через Владивосток Трумпельдор поехал в Харбин, где тогда квартировал 27-ой полк. Командир полка встретил его очень тепло; произвел его в старшие унтер-офицеры и представил его главнокомандующему, генералу Линевичу, чтобы тот произвел его в зауряд-прапорщики. Но и генерал Линевич не решился взять на себя такую «ответственность», как произвести еврея в первый офицерский чин, и передал этот вопрос на решение Петербурга. Там сочли необходимым представить Трумпельдора высшим сферам в Царском Селе, после чего последовало, наконец, соизволение нашить ему погоны зауряд-прапорщика. Впоследствии, когда Трумпельдор, вес-

ною 1907 г. выдержал на аттестат зрелости, он был перечислен в прапорщики запаса, согласно Высоч. Указу, по которому лица с средним образованием, имеющие звание зауряд-прапорщика, переводятся в прапорщики запаса. Так он стал офицером русской армии, в запасе *).

После Царскосельского посещения Трумпельдор уезжает к родителям, в Ростов. Но в Ростове среди родных он пробыл не долго и, посетив Пятигорск, он возвращается обратно в Петербург, где начинает новую жизнь.

*) По сведениям, Трумпельдор, после возвращения из плена, был представлен, как герой войны, государыне, которая преподнесла ему знак отличия и... искусственную руку. Он стал получать также пенсию, как инвалид-офицер. Во время обсуждения в Государственной Думе проекта правых об исключении евреев из русской армии противники этого проекта в своей защите евреев опирались на пример Трумпельдора.

И з д .